
Климентина Чугункина
Рождество и его призраки
18+

Климентина Чугункина

Рождество и его призраки

«Автор»
2026

Чугункина К.

Рождество и его призраки / К. Чугункина — «Автор», 2026

Призраки и Рождество - вещи вполне совместимые, как классика и традиция. Дух Рождества и какое-нибудь бесплотное создание обязательно шествуют рядом в период завершения календарного года. Открывай поскорее страницу, читатель, дабы погрузиться в атмосферу самого светлого праздника, тайну потусторонних сил и зимнего настроения. Увлекательное чтение гарантировано!

© Чугункина К., 2026
© Автор, 2026

Климентина Чугункина
Рождество и его призраки

Рождественская история с привидениями

До моего совершеннолетия родители каждый год возили меня в Диснейленд отмечать день рождения, а так как этот праздник у меня двадцать пятого декабря, день развлечений мне всегда устраивали заранее на несколько дней. Родители считали неподобающим в семейный праздник, когда раз в году съезжалось всё наше многочисленное семейство, отмечать ещё и день рождения сына, поэтому в самый главный праздник каждого ребёнка я никогда не чувствовал какого-то особого ликования по этому поводу. Едва ли о моём дне рождения вспоминали в рождественский день, и почему-то считалось вполне уместным всеми моими многочисленными родственниками без исключения дарить мне на два важных события, которые совпали у меня в один день не по моей воле, один-единственный подарок. Не скрою, что в малом возрасте я испытывал обиду по этому поводу. Мои сверстники обычно получали великолепные подарки на свои дни рождения, им позволялось приглашать друзей и устраивать вечеринку, я же всегда должен был довольствоваться посиделками в тесном семейном кругу, на которых разговоры взрослых по большей части казались мне скучными, и всего одним подарком, а фразы вроде «дорогой, он ведь намного больше обычного подарка» или «это очень дорогая вещь, поэтому мы решили подарить её тебе на два праздника сразу» нисколько не утешали. А ежегодная поездка с родителями в Диснейленд, казалось, никакого отношения не имеет ко дню рождения, хотя они не уставали напоминать мне, покупая какое-нибудь лакомство, игрушку или памятный сувенир или отводя на какой-нибудь аттракцион, что всё это я получаю, как часть подарка на день рождения, и мне не стоит об этом забывать.

Но время шло, и я, наконец, достиг того возраста, когда мог самостоятельно решать, когда и каким именно образом отмечать мне собственный день рождения, который совпадал с одним из нескольких величайших праздников в году. К неудовольствию моих родственников (за исключением родителей) я больше не имел намерений проводить этот день вместе с остальными членами моей семьи. Я любил Рождество, но так уж вышло, что оба праздника совпали в моей жизни, и я предпочёл своё собственное торжество торжеству семейному. И мысль, что я не один такой невезунчик, который родился двадцать пятого декабря, больше не должна была приходить мне в голову как своего рода утешение.

Мои собственные сбережения позволили мне поступить по своему усмотрению в день моего совершеннолетия. В последующие же годы я заранее заблаговременно копил, чтобы иметь материальную возможность позволить себе отметить день рождения так, как я задумал, потому что стоило наступить новому году, как я уже размышлял над тем, где именно хочу провести свой следующий праздник. Наверное, именно потому, что в детстве мне так ни разу и не удалось отметить этот день так, как мне этого хотелось, я во взрослой жизни предпочитал в конце декабря куда-нибудь уезжать, чтобы провести несколько праздничных дней по тому плану, который заранее составлял в своей голове. Возвращался домой я только к новому году и тогда уже рассказывал в кругу семьи, как встречал Рождество, хотя не уставал повторять год за годом, что для меня имел значение в этот день только мой день рождения. Поддерживали меня всегда исключительно одни родители, возможно, подсознательно чувствуя за собой вину, что я родился именно двадцать пятого числа. Старшее же поколение крайне не одобряло, что я игнорирую важный семейный праздник в угоду собственным легкомысленным капризам, как они называли моё настойчивое желание отметить по-человечески день рождения, точно я имел злонамеренную неосторожность быть в этот самый день рождён. Многочисленные же отпрыски моих не менее многочисленных кузин откровенно считали, что их дядя Джек

несколько повреждён умом, раз предпочитает, как какой-нибудь бездомный бродяга, шляться по улицам в Сочельник и Рождество, зачастую в плохую погоду, вместо того, чтобы в уюте и тепле, как полагается всем нормальным людям, у которых нет ветра в голове (а именно такими словами меня характеризовали за глаза мои многочисленные кузины, хотя сами же потом с удовольствием раскрыв рот выслушивали все мои истории о том, где мне удалось побывать), поедать вкусности и смотреть рождественские шоу, да получать подарки (которые в их случае оставались чисто рождественскими). Повторюсь, что за исключением моих милейших родителей, поддержки и понимания в собственной семье я больше ни с чьей стороны не обнаруживал, хотя только мне и было решать, каким именно образом отмечать собственный праздник.

Некоторые любят праздновать дни рождения в тихой домашней обстановке. Другие предпочитают устраивать шумные вечеринки или пирушки с большим числом приглашённых. Третьи вместо подарка себе занимаются благотворительностью в этот день: участвуют в какой-нибудь акции по защите окружающей среды, перечисляют средства в какой-нибудь фонд по борьбе за чьи-то права, пишут в соцсетях какой-нибудь большой памфлет с лозунгами и собирают число подписчиков в его поддержку. Знавал я и человека, музыканта по профессии, который обязательно каждый год в день своего рождения давал большой концерт. Я вот предпочитал отправляться в конце декабря в путешествие, чтобы непременно встретить тот факт, что я стал на год старше, на новом месте и увидеть что-то запоминающееся и непохожее. Предрождественское время ведь всегда наполнено особой атмосферой, которое царит меж всеми людьми без какого-либо исключения, и именно в отелях я испытывал то ощущение большого праздника, которое никогда не знал в детстве.

Так как в конце ноября я обычно начинал сборы к предстоящему путешествию, я был избавлен от предрождественской лихорадки, и всевозможные рождественские базары ничуть не трогали меня. Но это не означает, что я вовсе забывал о том, что именно должны чувствовать люди повсюду в предвкушении этих нескольких дней великого праздника, и на душе у меня тоже царили особое ликование и двойная радость от ожидания чудесных каникул. Да и традиция кое-какая имелась в отношении Рождества. Где бы я ни был, я обязательно покупал себе сувенир в виде шара, в котором, если его потрясти, начинали кружиться иногда белые хлопья, а иногда блестящая нарезка, имитирующая падение снега. Над моим письменным столом была устроена особая полочка, на которой я размещал эти шары. Покупал я себе и носки, непременно с рождественской символикой, и расхаживал в них, пока длились каникулы. Что удивительней всего, каждый год очередная новая пара куда-нибудь задевалась, и я никогда не мог обнаружить ни одну из своих прошлогодних покупок к следующему сезону. И не раз мне приходило в голову, что это может быть шуткой кого-то из моих многочисленных родственников, потому что я приходил в гости к ним, а они навещали меня, и всегда после этих визитов мои новёхонькие носки обязательно пропадали, и я был вынужден делать вид, что потеря очередной покупки нисколько меня не трогает.

В том году я летал в Штаты, чтобы увидеть главную рождественскую ель Нью-Йорка на площади у Рокфеллер-центра, которую каждый год городу традиционно дарят её владельцы. Побывал я и на одном из прославленных бродвейских шоу. В Новом Свете я был впервые, и эта поездка осталась в моей памяти одной из самых запоминающихся. Мне как раз исполнилось тридцать. В этом году я намеревался посетить рождественскую службу в краковском Мариацком костёле, для чего летел в Польшу.

С выбором именно такой достопримечательности была связана целая история. В прошлом году у моих родителей состоялся ещё и тридцатипятилетний юбилей совместной жизни. Они давно планировали это событие и тоже хотели, чтобы оно стало особо запоминающимся. Новый год они решили провести в Вене, и им взбрело в голову взять меня с собой. Первое января мы провели на концерте, ежегодно проводящемся в Золотом зале Мюзикферайн. Мама пребывала в восторге, особенно когда узнала, что можно забрать с собой живые цветы, укра-

шающие зал, в количествах, угодных душе. Последующие два дня я по-прежнему оставался в Вене, но уже был предоставлен сам себе. Каким-то образом меня опять потянуло к музыке, и я оказался на концерте польского органиста. Его игра произвела на меня большое впечатление. Я узнал, что он главный органист краковской базилики Святой Марии. После чего я начал всё выяснять про этот город, когда-то бывший польской столицей. Меня ужасно заинтересовал Кафедральный собор с его многочисленными усыпальницами средневековых королей, поэтому именно Краков я и решил избрать местом для встречи своего тридцать первого дня рождения.

В Сочельник и на Рождество я намеревался присутствовать на рождественской мессе в базилике, теша себя надеждой, что, быть может, мне ещё раз удастся услышать этого самого органиста. А двадцать шестого, когда уже должен был открыться для посещения Кафедральный собор, я намеревался пройти по «королевской дороге» через весь Старый город к холму Вавель и купить билет на территорию Вавельского комплекса, чтобы посетить собор, усыпальницу и подняться на колокольню. А увидеть там стоило многое. Три окружающие собор башни: башню Сигизмунда с самым большим колоколом Польши, башню Часовни и Башню серебряных колоколов. Главный позолоченный алтарь Отчизны, рядом с которым символические гробницы польских королей, сделанные из красного мрамора (да и вообще, внутри собора, как видно со снимков тех, кому повезло оказаться в этом месте раньше меня, всюду богатое убранство, отделка из позолоты и чёрного мрамора), усыпальницу под алтарём, хотя в первую очередь меня интересовали всё же исключительно семнадцать древних королей. В общем, я хотел вкусить польского рождественского духа. И мне казалось, что такая программа должна получиться замечательной.

Я прибыл в Краков с ощущением того самого рождественского духа и предвкушением приближения дня рождения утром в Сочельник и сразу, как покончил со всеми делами с обустройством в гостинице, отправился на разведку. Как и любое новое для меня место, город очаровал меня, и там, где взыскательному путешественнику было бы не на что посмотреть, мой непритязательный глаз улавливал необыкновенные и занимательные вещи. Я легко отыскал базилику Святой Марии на Рыночной площади и узнал время праздничного богослужения, но внутрь заходить не стал – я хотел испытать полную неожиданность вечером, заранее не представляя, что меня ожидает внутри. Купил я и обязательные сувениры: польский снежный шар должен был стать самым крупным в моей коллекции, затмив собой прошлогодний венский (который мне подарили родители, зная о моём пристрастии покупать подобные шары) в виде известной в этом городе статуи позолоченного Штрауса, играющего на скрипке; а на носках, что я приобрёл, были изображены Санта-Клаусы и оленята Рудольфы, играющие на разнообразных музыкальных инструментах. Оставалось надеяться, что в новом году эти чудесные носки никуда от меня «не убегут». Затем я зашёл в ресторан и отменно пообедал, велев подать себе непременно одни польские блюда. После чего на короткое время вернулся в гостиницу.

Как только начало смеркаться, я снова оказался на открытом воздухе. Поселился я на окраине, и, когда дошёл пешком до центра, уже окончательно стемнело. Я бродил по улицам, очарованный самим духом приближающегося Рождества. Мне нравились короткие дни и долгие ночи этого времени года, когда городские ландшафты освещены фонарями и светом фар, подсветка придаёт зданиям таинственный вид, витрины магазинов непременно украшены, да и в окнах обычных жилых домов мигают разноцветные гирлянды. На набережной Вислы играл какой-то старикашка на аккордеоне. Он был в толстом тулупе и замотан шарфом по самый нос, но его покрасневшие пальцы точно не ощущали холода и резво наяривали по клавишам. Молодёжь что-то отплясывала рядом и громко говорила по-польски. В зажигательной мелодии, которую он наигрывал, звучало большое чувство, отчего моим ногам захотелось пуститься в пляс, и я едва справлялся с тем, чтобы не допустить их присоединиться к юным полякам. Я собирался пройти мимо, но что-то шепнуло мне, что если я не остановлюсь сейчас послушать игру этого уличного музыканта, то буду сожалеть об этом до конца жизни. Так что я раз-

вернулся и остановился у резного ограждения. Не знаю, обратил ли внимание на меня старик или это было простым совпадением, но характер его мелодий сразу переменился. Я никогда не слышал такой музыки. Могу только предполагать, что это были его собственные импровизации на народные темы. Посредством аккордеона он передавал тоску по былым временам, и я почти явно видел, каким был этот город в дни королей.

Молодёжь ушла, сообразив, что их бойким танцам уже не бывать, а я остался слушать дальше и грезить о древней стране со странным названием Речь Посполитая. Затем подкинул пару монет в его кофр, который уже и так был изрядно набит, потому что ни один из прохожих, проходивших за это время мимо нас, не отказался от того, чтобы поделиться с музыкантом незначительной частью своих финансовых запасов. Старик кончил играть, но его пальцы послушно лежали на клавишах и кнопках давно вызубренных назубок аккордов. Он будто слушал тишину как продолжение мелодии, я уже собирался покинуть его, как он заиграл снова. В новой мелодии уже чувствовалась лихость двух молодых рыцарей, которые собирались продемонстрировать свои неистовство и удаль друг перед другом. Между ними должен был состояться смертельный бой. Это были времена, когда смерть как раз ничего не значила, а на кону стояли только честь, слава и доблесть. Мелодия загипнотизировала меня, и я не мог двинуться с места, пока битва не завершилась смертью обоих юношей. Пришлось подкинуть старику ещё монет за те сцены, что буквально физически пронеслись у меня перед глазами.

Аккордеонист всё играл и играл. Я ещё дважды подкладывал ему монет, пока вся мелочь в моих карманах не закончилась, а он всё никак не желал уняться и отпустить меня. Я буквально забыл о времени за то время, что слушал его игру. И очнулся я тоже по его воле. Я всё ещё продолжал стоять очарованный, прислонённый к ограждению набережной, а он уже отложил инструмент, склонил кофр, чтобы деньги ссыпались в один угол, подобрал их все до единой с какой-то бережливой стыдливостью и сунул в карман, затем убрал инструмент, застегнул застёжку на кофре и направился с ним в противоположную от меня сторону, как будто вовсе меня не замечал всё это время, а ведь я оставался единственным его неизменным слушателем и тем, кто несколько раз бросал ему монеты. И только глядя в спину удаляющемуся старику в этом несуразно толстом тулупе, я вдруг почувствовал, как жутко замёрзли у меня ноги.

Взглянув на часы, я обнаружил, что пробыл здесь очень долго. Самое время было двигаться к базилике Святой Марии, чтобы не опоздать к началу праздничной мессы. Улицы совершенно обезлюдели, и я бродил один по улочкам незнакомого города, не имея возможности справиться со своим маршрутом по карте, потому что мой мобильник разрядился. Ко всему прочему пошёл снег. Настоящий крупный пушистый рождественский снег, который вроде бы не должен нести с собой лютого холода, но этот почему-то нёс. Или мне так казалось из-за того, что я долго простоял в неподвижности у реки, с которой дуло, и теперь никак не мог согреться. Я крепко сжимал челюсти, чтобы мои зубы не начали выбивать мелкую дробь. В двух или трёх местах на моём пути мне попадались люди, но, когда я к ним обращался, оказывалось, что ни один из них не разумеет по-английски, хотя в первой половине дня трудности в общении у меня ни разу ни с кем не возникали. Я понимал, что в принципе заблудиться невозможно, когда идёшь в центр, но никак не мог выбраться на Старое Место и Главный Рынок, а всё сновал по мощёным мостовым меж старыми домами не более четырёх этажей в высоту.

Если неприятности случаются, то выпадают все разом.

Когда я уже всерьёз задумался над тем, что мне стоит повязать своим кашемировым шарфом голову, так как моё зимнее пальто из альпака не спасало меня от холодного пронзительного ветра, до меня вдруг донеслись звуки органной музыки. Я завернул за угол и сразу обнаружил чуть впереди желтоватый свет в окнах небольшой церковки, гостеприимно приглашающий внутрь Возможно я наткнулся на базилику Святого Сердца Иисуса, и до Мариацкого костёла оставалось совсем немного, если мне не изменяет память. Я взглянул на часы. Служба как раз началась. Я решил войти внутрь и остаться на какое-то время, пока не согреюсь. Возможно,

даже останусь до конца, если что-то меня в этом храме заинтересует. Дорогу к Святой Марии я спрашивать не буду, всё равно уже опоздал туда. Схожу на службу завтра. В рождественский день она состоится ровно в полдень, а уж при свете дня я без проблем разыщу дорогу, куда мне нужно, тем более что костёл почти в самом историческом центре расположен. Сейчас же самое время согреться и перевести дух, потому что я вовсе не представлял, где нахожусь.

Подойдя ближе, я вдруг узнал мелодию. Это была «Пассакалия до-минор» Баха. Я отряхнулся от налипшего снега, как мог, и под протяжные низкие раскаты в педали – «ту-ду, ду-ту; та-да, да-та» - вошёл внутрь и сразу устроился на одной из задних скамей, чтобы не привлекать к своей озябшей персоне ничьего внимания. Церковь внутри оказалась гораздо вместительнее, чем это выходило из внешнего осмотра, хотя орган был расположен не традиционно на хорах, а в так называемом «ласточкином гнезде», по правую сторону от алтаря, что указывало на значительный возраст здания. Так что снизу я мог видеть лишь одну раскачивающуюся голову органиста в огромном парике. Прихожан можно было пересчитать по пальцам. За три скамьи до меня сидели три дамы в кружевных чепцах и каких-то старомодных платьях. На первой скамейке преклонил колени пожилой мужчина в тёмно-зелёном сюртуке, его рука опиралась на золотую трость с набалдашником в виде головы чёрного пуделя. Вероятно, это были ряженые, которые собирались на репетицию рождественского концерта, а служба здесь не обязательно должна была начинаться в то же время, что и в Мариацком костёле.

Перчатки промокли насквозь. Я снял их и положил рядом с собой. Даже если я попал не на службу, всё равно стоило осмотреть убранство церкви повнимательнее. Спрашивать же впереди сидящих женщин о том, как называется это святое место, было как-то неловко. Религиозные полячки могли подумать, что я вошёл внутрь единственно ради того, чтобы погреться (что на самом деле и было правдой), и оскорбиться.

Вся алтарная часть была украшена елями. Их было не менее дюжины разной длины. Поражала своей величиной та, что стояла ближе всех к Святым Дарам. Лишь самую малость отделяло её макушку от потолка, и почти до самого верха она была украшена не только игрушками, но и новогодними огоньками. Оставалось ломать голову, как её приволокли сюда, установили и нарядили. Не думаю, что обычная приставная лестница могла помочь. Чтобы добраться до верхней точки, где висели игрушки, понадобилось бы не менее трёх таких лестниц, поставленных одна на другую. Эта ель своими размерами была не намного меньше нью-йоркской, а уж ту наряжали при помощи кранов. Да и вообще, как людям было не жаль срубать такое прекрасное дерево, которому должно было исполниться не один десяток лет? Я понимаю, что настоящие деревья намного лучше искусственных по части запаха и той атмосферы, что они создают, но иногда мы должны чем-то жертвовать на благо будущего. Изучив как следует огроменное золочёное распятие за алтарём, я снова обратил свой взгляд на органиста.

Музыкант распалялся всё более, ничуть не уступая в размахе брать аккорды уличному аккордеонисту. «Пассакалия» всё продолжала звучать, по моему мнению, чересчур уж долго, точно органист начал её заново, не сделав паузы, и особо громкие басы педали то и дело гулом отдавались в ушах. Я судил по трубам и представлял себе орган небольших размеров, но умелая игра демонстрировала всё богатство и полноту тембра большого инструмента. Возможно, часть труб всё-таки находилась на хорах над входом, особым образом посредством воздушных коридоров в стенах соединяясь с клавиатурой. Такое иногда устраивают для создания оригинальных звуковых эффектов.

На какое-то время я отдался на волю чувств, которое диктовало произведение великого Баха. Подобная трактовка, а уж слишком оригинально интерпретировал мелодию здешний органист, показалась мне заслуживающей внимания. Было бы здорово, если бы все музыканты играли подобным образом, а не утомляли бы слушателей пусть лихой виртуозностью, но совершенно бесчувственной механической игрой, на что очень и очень многие исполнители как раз только и способны. Когда же «Пассакалия» наконец закончилась (а я было подумал, что орга-

нист будет целую вечность играть одно и то же) и зазвучала протяжная, но всё же знакомая «Тихая ночь, Святая ночь», я вдруг обратил внимание, что церковь уже заполнилась на треть. И как только я умудрился пропустить появление всех этих людей?

Новоприбывшие, однако, тоже были одеты по моде давно ушедшего века. Кто поймёт этих поляков? Возможно, это такой местный обычай, или же действительно состоится концерт, а это всё певчие, и они прибыли на репетицию, а простые прихожане подойдут чуть позже сегодня или даже завтра.

Как бы там ни было, но я вдруг почувствовал себя здесь лишним человеком, и хорошо ещё, что на меня до сих пор совершенно не обращали внимания. Мало того, что я был один здесь в такой современной одежде, которая вдруг показалась мне какой-то нелепой, так ещё и все эти люди были хорошо знакомы друг с другом, потому что приветствовали друг друга кивком, улыбками или пожатием рук. Некоторые подходили к сидящим на других рядах скамей на несколько секунд и что-то говорили легчайшим шёпотом, безусловно, поздравляя с Рождеством. Этот приход был как одна большая семья, а вот я был среди них чужим.

Как оказалось, я рано радовался, потому что несколько взглядов всё-таки обратилось в мою сторону. Даже те три расфуфыренных дамы в чепчиках впереди обернулись, чтобы взглянуть на меня. Они были настолько похожи, что я принял их за сестёр. Не могу утверждать с достоверной точностью, улавливая то, что говорила средняя, только по движению губ, но, похоже, она произнесла нечто вроде «возмутительно» или «форменное безобразие». Я поначалу принял это на свой счёт. Мелькнула даже мысль, не следует ли мне извиниться за своё незваное вторжение, объяснить, почему я вошёл, и всё-таки узнать дорогу к Мариацкому костёлу. Лучше прийти к концу мессы туда, чем продолжать оставаться здесь, где мне явно не были рады. Но тут я краем глаза заметил, что через проход от меня, тоже на последней скамье, обосновался человек. Почему-то сразу возникло подозрение, что это сифилитик, причём с последней стадией развития болезни. Он был укутан с ног до головы в какое-то бесформенное тряпьё, а низко надвинутая на глаза чёрная широкополая шляпа (что всё-таки намекало на женский пол этого страдающего создания) не скрывала, однако, искусственности носа. Поняв, что причиной возмущения некоторых поляков служу отнюдь не я, я несколько расслабился, хотя до конца отделаться от чувства того, что я тут не к месту, мне не удалось.

Органист заиграл в третий раз, и я вновь обратил на него, а точнее на его пышный парик, всё своё внимание. С первых же аккордов эта незнакомая музыка несла в себе что-то неистовствовое, и повторилось в точности так, как случилось у меня с аккордеонистом на набережной. Я вдруг воочию стал видеть картины прошлого, когда в рождественскую ночь все церкви средневекового Кракова, в том числе и эта, заполнялись мирянами, преисполненными благостности праздника, и только падшие женщины в это время не могли найти избавления от нечистых поступков своей совести и не находили утешения там, куда стремились в надежде приобщиться радости. Органист распалялся всё более. Он уже не играл, но бушевал, танцевал по клавишам и педалям, и голова его тряслась в той же мере, что у некоторых современных гитаристов, зажигающих на сцене в ритме бешеной рок-музыки. Я подумал, что он потеряет свой парик прежде, чем это произошло.

То, что случилось дальше, потрясло меня до самых кончиков ног. Парик свалился с его головы, и это дало мне возможность лицезреть самый настоящий череп, безволосый и отливающий старой жёлтой костью, с неполными рядами зубов на челюстях, ощерившихся в хищном оскале. Наверняка, я вскрикнул. Точно не помню, но должен же был звук, исторгнутый из моей груди, хотя его никак невозможно было разобрать за громом tutti органа, взбудоражить всех этих мертвецов, ведь, как оказалось, ни одного живого не было в этом проклятом здании за исключением меня.

Должно быть, именно от моего вскрика органист резко оборвал игру, и в помещении мгновенно воцарилась абсолютная тишина. Это был такой резкий переход от «грома и молнии

бешеной бури» к «тишине пустыни», что прихожане, все как один, оборотили лица в его сторону, точно и в самом деле случилось что-то невероятное. А живой скелет поднялся с места (он был во фраке) и, указав на меня обвиняющим перстом, вопросил толпу шершавым как наждачная бумага голосом:

- А ЭТОТ что здесь делает?

И тут же все, как по команде, заголосили разом:

- Как он посмел?

- Заявился без приглашения!

- Ведь мы не ходим к живым. Никакого уважения!

- Возмутительно! Просто возмутительно! – распалялась более всех средняя из сестёр в чепцах.

Моё сердце буквально прилипло к спине. Я находился в компании самых настоящих привидений, ведущих себя как помешанные. Пусть и мёртвые, они были готовы меня растерзать за то, что случай привёл меня в их компанию. Я чувствовал себя так, точно нахожусь на позорном шесте перед тем, как меня намеревались заплевать и забить камнями до смерти.

Осознание того, что здесь все мертвы, приковало меня к месту. Я понимал, что нужно спасаться и уносить ноги, пока никто не додумался задержать меня, но вместо этого обратился за поддержкой к сифилитичке, почувствовав в ней нечто вроде единомышленника в беде, так как она должна была на своей шкуре испытать нечто подобное, будучи изгоем при жизни. Её глубоко запавшие глаза, которые немного светились, точно были натёрты фосфором, встретились с моими, и мне показалось, что в них зажглось сочувствие. Едва заметно она указала рукой в толстой перчатке себе за спину, где располагался выход. Я понял её намёк. Мне здесь было не место.

А меж тем мертвецам не давала покоя моя нерешительность.

- Какой нахал! Неужели не понимает, что мы не хотим его здесь видеть?!

- А ну-ка, братцы, вытолкаем его за дверь, - молвил полуистлевший господин в тёмно-зелёном сюртуке, который успел добраться почти до середины скамей, угрожающе вздымая свою трость с набалдашником в виде пуделя.

Толпа начала придвигаться ко мне. Я отметил, что привидения делаются чуть более прозрачнее, когда двигаются активнее, и сквозь них можно различить и ели, и распятие, и скамьи.

От окончательной расправы меня спас слабый перезвон серебристых колокольчиков глёкеншпиль.

- Настоятель идёт! Отец-настоятель храма! Служба начинается! Тише! Тише! – зашептали вдруг призраки, буквально на глазах сжимаясь, и их нерешительность позволила мне вырваться из путов оцепенения.

Я знал, что с приближением нового лица возникнет и новая угрожающая мне сила. Не чуя под собой ног, я сорвался с места и бегом направился к выходу. Каким-то мысленным способом сифилитичка дала мне понять, что поможет уйти от разъярённой толпы невредимым. А за спиной подступал страх и ужас, и не было никакого желания оборачиваться, чтобы увидеть, кем может оказаться настоятель храма, перед которым благоговели даже мёртвые.

Я продолжал бежать, даже когда это зловещее место оказалось далеко позади. Очнулся я только, когда какой-то пьяница поинтересовался, для какой цели я оббегаю холм Вавель уже в третий раз. Только тогда я постарался взять себя в руки и сосредоточился на том, что мне необходимо как можно скорее оказаться в гостинице. С трудом я поймал такси.

Что ещё можно добавить к этой истории? Конечно, о том, что мне довелось пережить в вечер Сочельника, я не мог никому рассказать. Мне бы никто не поверил, только бы подняли на смех, а мои кузины, уже не таясь, в открытую бы заявляли, что я выжил из ума. Какие я мог предъявить доказательства? Только то, что оставил свои перчатки на скамье в этой проклятой церкви, но обнаружил пропажу лишь на следующее утро, а попробовать отыскать это место

вновь меня бы ничто не заставило. Жаль было хороших добротных перчаток, которые стоили приличную сумму, но мне хотелось забыть органиста-скелета и всех остальных как страшный сон. Перчатки не могли бы стать доказательством, потому что в ответ мне заявили бы, что я просто потерял их и как-то пытаюсь оправдать свою пропажу. И конечно, праздник в какой-то мере был подпорчен. Все последующие дни мне не давал покоя вопрос, неужели ежегодно мёртвые собираются в церкви и отмечают Рождество тем же образом, как и на всякой другой праздничной службе в мире живых, единственно ради этого вставая из могил и надевая свои лучшие наряды, как было заведено во времена наших прапрадедушек, чтобы предстать в знакомом обществе во всей своей красе? Если это так, и мир полон призраков (быть может, церковь, в которой я оказался, не единственная, что облюбовали себе привидения), то живому человеку остаётся с большим уважением и трепетом относиться к таким событиям, как канун дня Всех Святых и Вальпургиева ночь.

Хозяйка Горы

Эти рождественские каникулы я и мой друг договорились провести на лыжной базе, расположенной в живописной долине у подножия Синих гор. Называлась она «У МакЛарина», работала уже десять лет и пользовалась большой популярностью у профессионалов и любителей лыжного спорта благодаря протяжённым и разнообразным трассам. Имелся там и большой каток на замёрзшем озере, благодаря чему наш выбор и остановился именно на «МакЛарине». Я и мой друг оба были страстными любителями как лыж, так и коньков, и отдавали обоим видам спорта предпочтение в равной мере.

Проведя рождественский день в кругу семьи, следующим ранним утром, захватив заблаговременно сложенный спортинвентарь и некоторые вещи, я отправился на лыжную базу, предвкушая прекрасные пять дней, в течение которых буду предаваться зимним развлечениям. Друг уже должен был быть там, будучи одиноким и малообщительным человеком. Однако именно благодаря случайному знакомству с такой личностью около двух лет назад я значительно преуспел в освоении как беговых лыж, так и беговых коньков, хотя прежде катался только на самых простеньких в не слишком скором темпе.

Через полтора часа электричка доставила меня на станцию небольшого населённого пункта Эмельвир, расположенного среди лесов и гор. В пятнадцати километрах от него и располагалась лыжная база «У МакЛарина». Трижды в день от базы до городка и обратно курсировал специальный автобус для удобства посетителей базы, но было уже одиннадцать тридцать: на первый рейс я опоздал, а второго надо было дожидаться ещё два часа, поэтому я взял такси.

Во время не слишком долгого переезда я молчаливо разглядывал пейзажи за окном. Извилистая дорога позволяла любоваться заснеженными вековыми соснами, то здесь, то там в низины уходили ельники, а вдали постоянно маячили величественные пики Синих гор. Казалось, что находишься где-нибудь на Аляске или в Гренландии, а вовсе не в центре родной страны. Такой глухой край словно бы находился за много сотен километров от цивилизации, хотя на самом деле в получасе езды был посёлок горняков с железнодорожной станцией, с которой легко можно было уехать в любой город нашей родины, да и с местных просёлочных дорог легко можно было выбраться на автомобильные шоссе.

Последний поворот дороги совершенно неожиданно привёл к лыжной базе. Вытянутый одноэтажный светло-серый домик административного назначения, рядом хорошо расчищенная парковка без единого автомобиля (я предполагал, что лыжная база сразу после Рождества будет пустовать, но друг уверял меня, что, напротив, это самое оживлённое время сезона); за забором виднелись разбросанные по долине домики, рассчитанные на двух, четырёх и шесть постояльцев. Я рассчитался с таксистом и направился в главный дом, пока за моей спиной колёса такси раскидывали свежевыпавший снег.

В и без того тесном холле я первым делом столкнулся с большой наряженной елью. Я сразу почувствовал сожаление по поводу того, что срубили такую красавицу, ведь в наши дни уже вполне можно обходиться искусственными заменителями. С потолка спускались фольгированные гирлянды. Было тепло и уютно. Небольшой закуток стойки регистрации граничил с дверным проёмом, задрапированным шторками из бус, какие обычно предваряют вход к гадалкам на ярмарочных увеселениях, за ним я слышал оживлённые мужские голоса и звон стаканов. Там была столовая, а людей, значит, всё-таки не так мало, как я подумал поначалу.

За конторкой, на которой красовался одинокий цветок «рождественская звезда», сидела совсем молодая барышня. Быть может, подрабатывала тут, пока шли каникулы. Она подняла на меня глаза с наращенными ресницами, только когда я подошёл почти вплотную и едва ли не навис над нею.

- Здравствуйте! Я у вас домик бронировал на пару с другом. Он уже должен был приехать. Его фамилия Грут.

- Вы герр Фогель?

- Да.

- Для вас письмо, - она подала мне конверт с моими инициалами, и от меня не укрылось, что ногти у неё тоже искусственные. – У вас пятый домик. Как выйдете на улицу, увидите указатель. По нему очень легко разобраться, какая тропинка к какому домику ведёт. Приятного отдыха!

Девушка снова вернулась к экрану компьютера, перестав обращать на меня внимание.

Выйдя на улицу, я нашёл указатель и направился к пятому домику, предвкушая встречу с другом. Снег звонко похрустывал у меня под ногами, я бодро вдыхал морозный воздух. Замечательный день! Классические мороз и солнце, и как приятно катить в такую погоду куда-нибудь. Гор за свою жизнь я насмотрелся достаточно, но такой красотищи не встречал никогда. Огромные пики были укутаны синеватой дымкой, за что и получили название в простонародье – Синие горы, хотя всему миру они известны под другим наименованием, значащимся на картах. По словам друга, главной красотой данной местности должно было быть озеро. Чтобы его увидеть, любители и спортсмены стекались сюда со всей страны. Воды озера питали подземные речушки, стекающие с гор. Поговаривали даже (тоже со слов моего друга), что вода в весеннюю пору там даже целебна.

Все домики были похожи один на другой, занимая только большее или меньшее пространство своими квадратными метрами. Как я понял, домики на двоих располагались ближе всего к началу лыжных трас. Озарённый солнечным светом, пятый домик показался мне лучшим временным пристанищем на все времена.

Когда я вошёл, провернув ключом в замке, сразу понял, что мой друг ещё на лыжной базе не появлялся. Даже кровати были всё ещё заправлены по-гостиничному. Тут-то я и вспомнил, что всё ещё сжимаю конверт в руке, который мне дали. Приставив чехол с лыжным комплектом к стенке, а спортивную сумку рядом на полу, я уселся на постели, расположенной ближе к окну, и просмотрел адресованное мне письмо. Из нескольких торопливо написанных строк я выяснил, что неожиданные дела вынуждают друга оставаться в городе на весь день Рождества и даже на часть утра последующего дня, так что выехать на лыжную базу он мог только после обеда, следовательно, увидеть его я мог лишь вечером. Деликатный по натуре, он не забыл извиниться в конце послания.

Конечно, одному кататься не так весело, как с товарищем, но я уже был здесь, погода стояла отличная, и грех было не воспользоваться этим обстоятельством. В горах климат переменчивый, глядишь, солнце затянет сплошной облачностью, начнётся метель и будет продолжаться все последующие четыре дня. И очень уж мне не терпелось опробовать лыжные трассы! Да и увидеть знаменитое озеро тоже хотелось, не откладывая это дело на завтра. А потому порешил я начать прогулку прямо сейчас, никого не дожидаясь.

Домик наш состоял из одной просторной комнаты, в которой помимо двух кроватей с тумбочкой между ними стояли ещё стол, стул да платяной шкаф, и небольшого санузла с душем.

Я, не теряя времени, переоделся, достал коньки, вытащил лыжи и смазал их (у входа в каждый домик висел уличный термометр для удобства спортсменов, в нём проживающих), и вышел на улицу. День был таким, что хотелось петь во весь голос или свистеть, кто что умел. У меня лично лучше получалось последнее, но на морозе свист не вполне ясен, поэтому я предпочёл свистеть про себя, в душе, пока добирался до главного здания, чтобы дать распоряжения о своём обеде. «У МакЛарина» завтрак подавали в конкретное время по утрам, а вот обед каждый мог выбрать из меню и заказать в наиболее удобное для него время.

«Искусственная» девушка за стойкой регистрации направила меня в столовую. Там тоже я заметил несколько цветков «рождественской звезды». Мужчины уже успели уйти, и она теперь пустовала. С трудом дозвавшись повара, который слишком долго не показывался с кухни, я велел через три часа подать мне холодную говядину, глинтвейн и какого-нибудь сладкого пирога. Что может быть лучше холодного мяса после оживлённой прогулки? Толстяк-повар только кивнул головой, приняв мой заказ, и тотчас удалился обратно на кухню, сразу дав понять, что больше со мной не о чём разговаривать. Как бы ни было хорошо у «МакЛарина» по приемлемым ценам, весь персонал, похоже, был больше увлечён собой, чем рабочими обязанностями, хотя я пока и не мог пожаловаться на грязь, грубость или хамство.

Снова выйдя на улицу, я сразу же встал на лыжи. Коньки болтались у меня за спиной в специально сшитом мешке, который я носил на манер рюкзака. Я поступал так всегда, когда в одну прогулку предстояло кататься на коньках после езды на лыжах.

По расчищенным от снега просторным дорожкам я добрался до настоящей лыжни. Их тут насчитывалось сразу несколько, и уводили они в разные стороны. В здании администрации можно было разжиться картой-схемой всей территории с указанием сложностей маршрутов, или перекачать таковую с сайта лыжной базы на своё устройство. Помнится, схему эту мне как раз демонстрировал друг, когда советовал выбрать именно «У МакЛарина», но я взглянул лишь мельком, полагаясь на его вкус и одобряя его выбор. Всегда предпочитаю неожиданности! Вот и теперь выбрал крайнюю лыжню и помчался по ней. Снег был укатан очень хорошо, и большей скорости желать не стоило.

Выбор мой оказался удачным. Небольшая горочка, по которой я скатился, испытывая былую мальчишескую радость, привела меня в ельник. То и дело лыжня проходила совсем близко от заснеженных молодых деревьев, и я буквально мог прочувствовать вкус зимы на своих губах. Затем деревья расступились, и склон побольше вывел меня на плато, с которого открылись далёкие Синие горы во всём своём широкоформатном великолепии. Редкое сердце не замерло бы от подобной красоты! Фотограф бы непременно пожелал запечатлеть данный пейзаж, как и художник; поэт воспел бы дивную зимнюю пору в стихах. Но, к сожалению, я был далёк от подобных проявлений тонко чувствующих натур, чтобы запечатлеть сию красоту тем или иным способом в вечности. Как спортсмен-любитель я только и мог, что с удовольствием вдыхать бодрящий воздух, посматривать по сторонам с замиранием сердца да размахивать палками: толчок – вверх, толчок – вверх. Ноги едва успевали поспевать за летящими лыжами. Чтобы так катиться, за лыжнёй надо следить каждодневно, я знал это на собственном опыте, но на пути моём мне так и не попался ни один работник лыжной базы. Здесь они наверняка начинают свою работу затемно, чтобы первые «ранние птахи» могли получать удовольствие от своих прогулок, за которые заплатили.

Прошло, наверное, минут сорок с тех пор, как я выехал. За сорок минут на соревнованиях проезжают десять километров; я же проехал около пяти или чуть больше. Никогда не претендовал на уровень настоящих бегунов-профессионалов. Я уже минут десять снова ехал по густому лесу, как вдруг деревья расступились, и в двухстах метрах впереди открылось желан-

ное озеро. Вот так находка! Конечно, я не ожидал ничего подобного вот так сразу, но, как оказалось, захватил коньки не зря. Кататься по незнакомому водоёму я не боялся. В описаниях «МакЛарина» несколько раз упоминалось, что озеро промерзает до самого дня, а потому абсолютно безопасно. К сожалению, лыжня моя заворачивала круто в бок, а не вела прямо к озеру. Вообще-то это было странно, ведь популярность этого озера здесь едва ли не равнялось популярности лыжных трас, но я подумал, что сейчас может быть такое время, когда на лыжной базе одни лыжники, работники об этом знают, а потому и за дорожками к озеру пока не ухаживают. Вряд ли все те мужчины, чьи голоса я мелком слышал в столовой, будут на коньках кататься.

Поэтому я сошёл с лыжни и покатил к озеру, оставляя как первый след, так и свой собственный. В отличие от профессионалов, я умел отлично передвигаться и по «бездорожью», так как, с тех пор как встал на лыжи, где только ни катался, и как раз подготовленными лыжными трассами пользовался крайне редко. Потому как раз и считал, что настоящий лыжник вовсе не тот, кто постоянно участвует в соревнованиях и занимает какие-то места, но тот, кто на лыжах пройдёт, где угодно и в различных погодных условиях. Меня, например, ни метели с сильным ветром, ни слякоть ни разу не смущали, и выходил я на лыжах в любую погоду, если в этот день такая прогулка была у меня запланирована.

Подъехав к озеру, я понял, что всё будет даже лучше, чем я себе представлял. Я не ожидал вовсе, что так скоро обнаружу его, захватив коньки так, на всякий случай, а теперь ещё и увидел, что само озеро величиною с добрый стадион, что поверхность его без единого изъяна так и блестит на солнце. Как жаль, что мой друг столько всего упустил из-за своих дел! С ним, конечно, было бы лучше и веселее. Он умел замечать то, что сразу не бросалось мне в глаза, и тогда, после его замечаний, как бы и я видел его глазами, и начинал глубже понимать природу, например. Вот и сейчас он мог бы обратить моё внимание на что-то, что я упустил из виду. Но, так как его рядом не было, я и не стал пытаться без него философствовать, а сразу приступил к делу. Раскрепился, примял снег ногами, достал из мешочка коньки, а на сам мешочек уселся (он был пошит из утеплённой ткани, а потому на него смело можно было садиться прямо на снег) и принялся живо переобувать лыжные ботинки на коньки.

Пара минут – дело сделано! – и я шагнул на лёд. Снег вокруг меня искрился. На душе стало ещё радостней, чем было. Я поехал вперёд, всё более и более развивая скорость. Я уже достаточно разогрелся на лыжах, поэтому холод был мне вовсе нипочём. Я мчался быстро, как мог, глядя только перед собой. Ледяной воздух обжигал лёгкие. Я повернул обратно, а затем сделал крутую петлю и резкий разворот почти напротив того места, где оставил лыжи.

Тут я увидел, что на озере, оказывается, был не один. Солнце слепило глаза, отражаясь от льда, и до того я смотрел себе исключительно под ноги. Теперь же я заметил, что на другом конце озера кто-то катается, хотя этот кто-то был весь в белом. Белый цвет зимой носить очень красиво, хотя, конечно, в морозный солнечный день он не греет, но, зато в нём заниматься не жарко, когда температура близка к нулю или выше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.